

НИКА ФЕРЗЪ

ЖЕМЧУЖИНА

16+

Перо
ИЗНИ

Ника Ферзь
Жемчужина его жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ферзь Н.

Жемчужина его жизни / Н. Ферзь — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Много лет назад Фарида допустила оплошность – доверилась самому чистому, настоящему чувству первой любви и поплатилась за это. В полном одиночестве ей пришлось пробиваться в жизни, достигать высот, чтобы стать лучшей. Но как повернется ее судьба при встрече с мужчиной из прошлого? Что, если он узнает ее главный секрет? Оправдает ли свое имя – Фарида – и станет ли жемчужиной его жизни? История жизни в антураже страны.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Наши дни.

Девчонки в палате обменивались впечатлениями, мыслями, кто-то рассказывал про иногородних родственников, которые планировали приехать посмотреть на новорожденного, кто-то сетовал на холод – из окон прилично дуло, – кто-то шепотом делился страшной тайной из серии «мне тут сестричка рассказала», что роддом построен на месте скотомогильника, поэтому здесь все так серьезно обрабатывается, а Фарида молчала.

Она смотрела на маленький сверток и розовую щечку, выглядывающую из-под суконного одеяльца и удивлялась, что все это происходит с ней.

Все время беременности прошло словно в тумане: токсикоз, посещение пар в институте, первая тяжелая сессия, обустройство на новом месте и жуткая бессонница, вызванная страхом за будущее. Фарида и так и эдак обдумывала, чем займется, когда вернется из роддома.

Ни один из вариантов не подходил и не казался правильным. При стольких неизвестных: что делать с новорожденным, как его кормить и как ухаживать, на что жить и чем питаться, как сдавать экзамены во время сессии, до которых останется несколько месяцев, – существование казалось беспросветным.

Ребенок не спал. Фарида приложила кулек к груди, посмотрела, как морщится розовенький носик от плача и отдала его нянечке.

– Грудь не берет, молока нет, – равнодушно сказала и отвернулась к стене.

Нянечка заворковала, укачивая ребеночка, и тот сразу затих, послушно уснув, будто чувствуя, что не должен доставлять забот.

Молоденькие мамочки недоуменно обменялись взглядами. Молчаливая Фарида была единственной, кому никто не приносил передачи, и она уже вторые сутки питалась только столовской невкусной, картонной едой и единственной, кто не ворковал, не общался с ляльками, которых приносили на кормление.

«Нет молока», и все тут. И не думает совсем, на чем живет ее единственное сокровище, которое должно полностью изменить жизнь.

– Ой, девочки, страх-то какой. В соседнюю «одиночку» привезли. При родах ребенок умер. Как жалко-то, господи. Спаси и сохрани! – не сбиваясь в дыхании заговорила худенькая девушка, с удовольствием покачивая свой собственный «сверток».

Все пять мамочек – пациентки роддома, однопалатницы, – все, кроме отвернувшейся к стене Фариды, с накотившей нежностью опустили глаза к своим деткам. Одна погладила щечку, другая, несмотря на бессонные сутки, прижала к груди, третья, покачивая, смахнула накотившую слезу, но не удержалась и беззвучно расплакалась.

А Фарида вся сжалась. Первой ее мыслью на услышанное было совершенно немислимое, святотатственное, низменное.

Сгорбилась и плотнее зарылась в подушку. Подальше от своих навязчивых, словно мухи в жару, мыслей, чужой жалости, такой правильной и своевременной, в отличие от ее.

А едва объявили отбой, и утомленные за день женщины легли спать, Фарида встала с перекрученной за день кровати и посмотрела в темное окно. Где-то за ним, за этим стеклом, пульсировала жизнь: встречались влюбленные, родители обнимали своих детей, укладывая спать, обсуждали планы на завтра супруги.

В далеких желтых окнах домов были люди, равнодушные друг другу, люди, которые могут говорить, общаться без вранья, без взаимных обид и упреков.

А еще там бурлила непонятная жизнь, которая крутит, ломает, ставит на колени.

Фарида думала, неужели ее вина состоит только в том, что она родилась на свет? Она старалась быть послушной внучкой, хорошей подругой, прилежной ученицей. И только за то, что боялась высказать свое мнение, показать, что чувствует, что думает, вынуждена страдать?

В оконном отражении ее бледное лицо задрожало от увлажнившихся глаз.

И как это ужасно – продолжать традицию неудачниц, зависящих от обстоятельств!

Фарида испытала неимоверную тягу снова посмотреть на сына и увидеть в его облике, глазах ответ на вопрос, почему так получилось? Почему она попала в эти сети и совершенно запуталась?

И как ей теперь быть, смотреть на лицо нового человечка и ежесекундно, на протяжении всей своей жизни, видеть в нем отражение своей глупости, своей ошибки, своего помешательства?

Она зацепилась за свое отражение в окне. Зрачок в зрачок. Только так можно быть открытой самой с собой.

Вынести этот груз ей вряд ли по силам.

Надо было решиться, и решение это неблагоприятное, ужасающее в своей простоте, совершенно противоречащее нормам морали, сейчас казалось единственно верным.

Надо признать, она ничего не чувствовала к этому комочку мяса, который плакал, требовал внимания и какой-то заботы.

Все девочки вокруг – окружение из ее палаты – всегда открыто и бурно реагировали на нянечек, которые приносили на кормление по определенным часам малышей, а Фариде от этого еще больше хотелось залезть в кокон и оставаться там до ночи, когда кругом выключался свет и горели только вечерние лампы в коридоре.

В ее душе тлело равнодушие и серое безразличие. Единственная эмоция вспыхнула только сейчас – надежда на независимость.

Свобода представлялась освобождением от всего: косых чужих взглядов, запрятанной и скрываемой жалости эби, собственной тоски.

Конечно, это был малодушный, трусливый и слабохарактерный поступок, но взять на себя еще одну ношу она не была готова.

Она не настолько самостоятельна, чтобы нести ответственность за себя, а тут еще один рот. Да и чему она может научить этого мальчика? Что она умеет сама? Ни таланта, ни призвания, одно только разочарование.

Фарида поежилась и запахла на груди плотнее уродливый цветастый халат, выдаваемый всем роженицам.

Нагнулась к своей тумбочке и сложила в пакетик немногочисленные вещи: расческу, зубную щетку с пастой, паспорт. Снова глянула в окно и вышла из палаты, тихонько притворив дверь.

Коридор был ожидаемо пуст. На посту сладко спала, умаявшись за день, дежурная сестричка, опустив голову на сгиб локтя. Шапочка от неудобной позы съехала, обнажив тонкую шейку.

Фарида посмотрела в открытую напротив поста дверь – в палате лежали новорожденные. Просто уйти и не посмотреть на того, кто внутри нее зрел все девять месяцев, она не смогла, несмотря на все свои мысли.

Не задумываясь больше и не теряя времени, боясь, что сестричка проснется, зашла в палату к малышам и обомлела.

Возле кровати, в которой, как она точно знала, лежал ее сын, стояла женская фигура с распущенными волосами, акварельным мазком белея среди полутьмы, словно бестелесый призрак.

Женщины посмотрели друг на друга, и между ними сразу застыл воздух, хоть ножом режь.

Фариду словно окатило колодезной водой: кто-то хочет навредить ее сыночку!

Материнский инстинкт шарахнул по венам, будто кто-то открыл, наконец, кран на полную мощность, и она в секунду оказалась возле ребенка, отчего женщина отпрянула к двери, а Фаридка схватила малюсенький сверток, прижала сильнее к себе, разбудив ребенка, и ощутила, как этот скромный груз становится тяжелым для рук, но легким для сердца.

Сестричка на посту проснулась и заскочила в палату к детям. Мигом оценила ситуацию, начала выговаривать нерадивой мамаше, что находиться здесь запрещено.

Но, разглядев в темноте слезы на лице Фариды, которые она даже не старалась прятать, разрешила немного посидеть на кушетке с ребенком, строго-настрого запретив выходить из палаты.

– Вы знаете, сюда же заходить вообще нельзя. Но я с вами посижу, чтобы уж у самой сердце не болело потом. Сегодня сюда уж раза три была девчонка с «одиночки». Ревет, бедная, а как перестанет, бежит к врачам или сюда, не верит, что ребенок-то у нее умер при родах. Совсем помешалась, бедняжка.

При этих словах Фаридка еще теснее прижалась к плачущему сыну, Фариту, и разрыдалась. Уже в голос, не таясь, отпуская свои нелепые мысли о побеге, о ненужности, о ненависти к несчастной новорожденной душе.

Глава 1

1998 год, семь лет назад.

Фарида Фатыхова свой рождения впервые отмечала с таким размахом – со всем полуторамиллионным городом: её личный праздник совпадал с общероссийским. На улице бурлило, искрилось и переливалось весенними запахами 9 Мая.

Фарида шла неспешным шагом, неуверенно оглядываясь кругом. Сейчас, когда она точно знала, что зачислена на первый курс технологического института, можно было и погулять по улицам, посмотреть, наконец, по сторонам, осмотреть город изнутри.

И если все эти годы праздник отмечался в кругу родных, а последние десять лет вообще только с эбикой, в этом году она предупредила бабушку, что хочет посмотреть парад Победы как настоящая горожанка, совершеннолетняя студентка – первокурсница.

Девушка шла и с удовольствием разглядывала красивые яркие флаги, развешанные на фонарных столбах, нарисованный на зданиях символ мира – белых голубей, на яркие цветные ленточки, поймавшие своими кончиками ветер, которыми по давней традиции были украшены деревья на главном городском проспекте.

На тонких веточках яблонь уже завязались крошечные цветы, и усики тычинок источали весенний аромат, кружевом сплетавшийся с визитной карточкой большого города: немного цветочных духов, немного бензина, и совсем чуть-чуть – пыли.

Запах совсем другой, непривычный, будоражащий обоняние, а от того казалось, что именно так и должны пахнуть перемены в жизни. На смену ароматам травы и скошенного луга пришел дух бетона и автомобилей, дорожной пыли и еще чего-то неуловимого, незнакомого.

Фарида расправила шелк белой юбки, которая паутинкой кружилась вокруг тонких загорелых ног, спрятав в складках хитрую штопку, и подняла голову, поймав солнечный лучик. Погода стояла по-настоящему летняя, и от того праздник воспринимался ярче. Фарида чувствовала себя воздушным шариком, наполненным ожиданием прекрасных перемен. Выпустишь немного воздуха – и шарик запляшет по дороге из стороны в сторону.

Солнце слепило глаза, играло фиолетовыми отблесками на ресницах, и Фарида, обрадовавшаяся свету, опустила глаза и тут же столкнулась с очень откровенным, прямым и весёлым взглядом молодого человека.

Фарида не смутилась и тоже принялась его разглядывать. Юноша обладал привычной славянской красотой: высок, строен, глаза его были живыми и весёлыми, а в их глубине отражалось её настроение. Еще ни от кого она не видела такой неприкрытой заинтересованности, как от этого незнакомца.

Он поймал её улыбку и перебежал дорогу в неполюженном месте. Водители принялись сигналить неразумному пешеходу, но он только досадливо отмахнулся от них, чем вызвал улыбку Фарида.

– Привет красавица, – его голос лучился оптимизмом.

– Привет, – тихо ответила Фарида.

– Ты не на парад случайно идёшь?

– На парад. А как ты?..

Спросила и осеклась: в руке она держала две красные гвоздики, ярким пятном выделяющиеся на нарядной белоснежной юбке.

Он засмеялся, не отрывая взгляда от девушки, и она смущенно улыбнулась. Он в ответ проворковал:

– Как тебя зовут, красавица?

– Фэридэ, – едва слышно пролепетала девушка.

– Фарида, значит? Красиво.

– Переводится как «жемчужина»...

– Надо же! А я Антон.

– Очень приятно, – воспитанно прошелестела она.

А он совершенно невоспитанно сразу взял ее под руку и повел вслед за людским потоком к проспекту, где проходил парад Победы.

Фарида сначала вырвала свою руку, решив сохранить дистанцию, но у ее нового знакомого были совершенно другие планы.

Хотя если бы они двигались поодаль друг от друга, как того требовали приличия, то сразу бы потерялись.

Как только новые знакомые подошли к главному проспекту, сразу попали в толчею и давку. Фарида, даром, что на каблучках, из-за голов не видела не только шеренги из людей и военной техники, но и флагштоки.

Антон, на голову выше девушки, посмеялся было над ее попытками встать на цыпочки, но тут же принял серьезный вид, глядя на озадаченную его шутками физиономию.

– Давай встанем на подставку для фонаря! – боясь оказаться не услышанным в людском море, нагнулся он прямо к ее уху.

Фарида только кивнула и опустила голову, чтобы скрыть румянец на щеках.

Антон легко, словно ледокол, провел ее сквозь толпу и запрыгнул на подставку фонаря, прямо за которым тряслось от напиравшей толпы ограждение. Мимо уже шли барабанщики, уверенно и громко выбивающие дробь.

Он ухватился правой рукой за нагревшийся на весеннем солнце столб, чтобы не упасть, а левую протянул Фариде. Вокруг все заулыбались, заинтересованно оглядев его спутницу.

Молодой человек, правильно истолковав нерешительность девушки, легко спрыгнул с фонарного держателя, картинным жестом откинул отросшую челку со лба и схватил Фариду за руку, заставив послушаться.

И вот она уже вместе с ним держится за столб и впервые в жизни в первых рядах наблюдает парад Победы.

Четверо молодых людей тут же последовали примеру Антона, и вот уже на небольшой фонарной подставке некуда ступить, и Фарида балансирует на одной ноге, уповая только на то, чтобы подошва не оказалась слишком скользкой.

Девушка сама не поняла, как это произошло, только что она стояла, держась одной рукой за столб, а другой сминая стебельки гвоздик, и вот уже из-за неловкого движения молодого человека, стоящего рядом, летит вперед на ограждения и тут же оказывается прижатой спиной к Антону.

Тот довольно улыбнулся.

Поспешил отвести взгляд от тонкой девичьей шеи, украшенной трогательными завитками волос, вперед.

И тут же на него красками, звуками, запахами обрушился реальный мир. И Антон понял, что и не дышал все это время, а только зачарованно купался в непривычном ощущении, от которого словно росла сила, прямо пропорциональная ее слабости.

А Фарида во все глаза смотрела на парад. И в груди ее под патриотическую музыку, под чеканный шаг школьников-барабанщиков билось горячее сердце. Она представила себя на месте юной девочки с огромными белыми нарядными бантами и чуть не расплакалась. Вспомнилось все, что рассказывала бабушка о военном лихолетье, все, что читалось в школе, и снова защемило сердце от боли за тех, кого уже не вернуть, за беспощадную железную руку войны, забравшую ни в чем не повинных людей.

А тем временем за парадным расчетом роты барабанщиков чеканным шагом прошли: рота оперативного реагирования полка патрульно-постовой службы, гарнизон государственной противопожарной службы, ветераны-пограничники.

Студенты городских вузов и ссузов прошествовали в военной форме времен Великой Отечественной войны. Колонну регулировщиц сменили представители пехотных войск, танкистов, связистов.

Выехала демилитаризованная техника: камазы, бронетранспортеры, бронев автомобили. Толпа приветственно загудела, многие начали бросать на машины цветы и гвоздики.

Фарида едва не поддавалась порыву, но вовремя себя остановила. Сегодня у Вечного огня планировалось открытие мемориальной доски, на которой было высечено имя ее деда, и этими цветами она обещала бабушке почтить его память.

Будто угадав печальные мысли Фарида, Антон пожал ее руку. От этой своевременной поддержки она едва не расплакалась. Настолько оказался нужным его дружеский жест в такой эмоциональный момент.

Парад закрыл танк Т-34, люди чуть схлынули под напором милиции, и ограждения убрали.

Перед толпой открылась мемориальная доска.

К микрофону подошел представительный мужчина в форме с погонами, и толпа почтительно замерла.

– Это мой дед, – шепнул ей в ухо Антон. – Я к нему на каникулы приехал.

Фарида тряхнула головой, прогоняя темные мысли, новым взглядом посмотрела на своего знакомого и чуть не застонала. Ну конечно, как она сразу не заметила? И модные джинсы, и красивая рубашка с зауженным воротником, а теперь еще и такой видный родственник: Гордеев – почетный гражданин города...

Все, что она видела в Антоне до этого, – это его тревожащий душу взгляд, пробирающий до самых глубин.

Антон только улыбнулся и пожал плечами:

– Не волнуйся, он недолго будет говорить. Я эту речь уже много раз слышал дома.

Фарида перевела взгляд на благообразного мужчину впереди, размерено и четко вещающего в микрофон, и словно сжалась.

– Этот праздник объединяет нас любовью к Отчизне, гордостью за священный подвиг нашего народа и болью невосполнимых потерь. – говорил он в опустившейся на площадь тишине. – Мы преклоняемся перед вашим подвигом, уважаемые фронтовики, труженики тыла, узники концлагерей, вдовы, дети войны. Мы склоняем головы перед светлой памятью всех, кто не дожил до сегодняшнего праздника Победы. Они навечно останутся в наших сердцах. Их имена мы увидим на мемориале. Дорогие ветераны, низкий вам поклон и сыновнее спасибо!

Фарида слушала, словно за гипнотизированная его сильным, уверенным голосом. Если бы сейчас он скомандовал всей этой толпе пойти на амбразуру, уверена, что они так бы и сделали. Никто бы не спросил, для чего это делается, зачем, какой в этом смысл. Такие, как этот человек, призваны командовать, ломать волю, даже не прилагая никаких усилий.

Девушка чуть сильнее сжала многострадальные гвоздики.

А потом в полном молчании они возложили цветы к новому мемориалу. Антон тут же предложил познакомить Фариду со своим дедом. Та оглянулась на грозного Гордеева и поежилась. Даже издали в окружении рослых мужчин он источал силу и уверенность, как генерал перед своим войском. Фарида, смущаясь, отрицательно покачала головой. Но Антона это не остановило.

Уже привычно взяв её за руку, он подвел девушку к своему деду, будто трехлетнего ребенка к воспитательнице в детском саду.

– Николай Петрович, здравствуйте, можно вас на минуточку? – вывел он его из круга собеседников.

Мужчина неодобрительно посмотрел на внука, но повиновался.

– Я хочу познакомить тебя с самой лучшей девушкой земли.

Фарида ахнула и приложила ладони к горячим от смущения щекам. Антон счастливо рассмеялся, но Гордеев нахмурился.

– Это Фарида. Имя её деда высечено на мемориальном комплексе.

– Здравствуйте, – смущенно ответила она.

Ей очень хотелось сказать, что Гордеев выступил великолепно, своей речью он затронул тонкие струны её души и нашел самые нужные слова, те, которые хотели бы услышать люди на площади. Но постеснялась. Смущилась своего акцента, побоялась показаться слишком восторженной или навязчивой.

Горожане отличались от жителей деревни, это Фарида поняла сразу, и поэтому всегда старалась держаться в тени, чтобы не задеть никого ненароком.

Гордеев смерил её внимательным взглядом пронзительно синих глаз. И на каком-то клеточном уровне Фарида поняла, что увиденным он остался недоволен.

Но чем же? На ней сравнительно новая юбка, чистая кофта, босоножки не хуже, чем у городских девушек. Гордеев несколько раз опускал глаза ниже, в пол, и Фарида недоумевала: что же он там такого нового увидел, на этом треснувшем асфальте, разбитом за годы миллионными шагами посетителей?

– Здравствуйте, – вживую голос Гордеева не отличался от усиленного микрофоном, только что разносившегося по площади. – Ты за этим меня позвал?

«Вот чем он был недоволен», – подумала Фарида. У Николая Петровича, наверняка, был важный разговор, а тут они... Она смущенно разгладила юбку одной рукой, другая все так же покоилась в широкой ладони Антона.

Молодой человек, несмотря на хмурость родственника, посмеялся.

– Дед, не жди меня рано! Адъес!

– Вернешься позже, чем через час после салюта, – сразу поедешь домой, – жёстко обрубил Гордеев, развернулся на пятках и четким шагом направился обратно к своим собеседникам, возле которых крутились, ненавязчиво охраняя, сотрудники народной дружины.

Антон пожал плечами.

– И такой контроль в двадцать лет! Ну, раз такое дело, нам все двери открыты! Думаю, сегодня ты абсолютно свободна?

Фарида, обещавшая девчонкам в общежитии испечь рыбный пирог, в ту же секунду забыла об этом, так зажег ее огонь в его синих глазах.

– Что будем делать? – спросила она, когда ребята, наконец, покинули место «боевых» действий и вырвались из толпы, что направилась рассматривать военную технику, выставленную на потеху публике.

– А мы пойдем развлекаться. Как там девушек развлекают? Кино, мороженое, танцы? Так я поступлю наоборот.

Антон повел ее к парку аттракционов, но сразу же понял абсурдность своей идеи: по случаю праздника народу там было с целый Китай. Тут же сменив план действий, они спустились к реке, погуляли по набережной, а потом арендовали лодку и катались до тех пор, пока от воды не потянуло настоящей прохладой.

Фарида чувствовала, как смотрит на нее Антон, и от его взглядов у нее покалывали кончики пальцев. Он смотрел на нее абсолютно прозрачными глазами, так отражался солнечный луч, преломленный в воде, и словно затягивал в плен в свою глубину.

Она словно фотографировала внутренним взором все, что видела сейчас, думая о том, как эта спокойная синяя речка, садящееся солнце, окрашивающее все вокруг оранжевым и красным, легкий ветер, шуршащий в камышах, навсегда останутся в ее сердце.

Казалось, будто бы глаза ее открылись, а прежде она не видела такой красоты. Хотя нет, не видела, призналась самой себе. Впервые она проводила так много времени с умным, весе-

лым и безусловно красивым молодым человеком наедине. И именно это соседство придавало столько очарования простой прогулке по реке.

Окончательно замерзнув, они решили сдать лодочку, пришвартовались к «причалу» – разваливающемуся деревянному помосту – и поднялись наверх, снова к площади, где уже скоро должен был начаться салют.

Антон, обратив внимание на то, что девушка дрожит, прижал ее к себе спиной, обхватил руками, словно закрывая от всего мира. А Фарида, пригревшись, настолько расслабилась, что закрыла глаза от удовольствия и едва не пропустила сам салют, ради которого они и поднялись сюда.

Разноцветные всполохи раскрасили черноту неба, и она залюбовалась гигантскими цветами, от удивления открыв рот. Какая же это красота! Такого масштаба она не видела ни разу! Фарида повернулась к Антону, и, не меняя выражения лица, смотрела уже на него. На его лице плясали разноцветные отголоски фейерверков, а в глазах горели огни, и вызваны они были ею, маленькой сиротой из деревни, в штопанной юбке и старенькой школьной блузке.

И уже попрощавшись у дверей общежития, согласившись встретиться завтра, Фарида все еще наблюдала огни салюта в глубине его глаз, и думала, что прекраснее зрелища она еще не видела.

Глава 2

Утром Фарида проснулась с предчувствием, что сегодня её ждёт что-то невероятное. Такое уже бывало в школьное время, в те дни, когда бабушка к первому сентября покупала ей обновку: то новые кроссовки взамен стоптанных, то лакированные туфельки, а то и юбку из городского магазина, а не перешитую из старой одежды.

Обычно в такие дни Фарида некоторое время лежала на кровати, зажмурившись, предвкушая радость. И чувство это зрело в ней, поднимаясь от кончиков мизинцев до кончиков ресниц, трепетало в желудке, отзывалось покалыванием в пальцах.

И сейчас, лежа на кровати в университетском общежитии, она открыла широко глаза и вспомнила всё: и горячую руку Антона в своей, и салют, и цветы на мемориальном комплексе. Вспомнила и чуть не рассмеялась от счастья. Все в ней задрожало от смеха, она приподняла голову и тут же снова уронила её на подушку, улыбаясь.

В ней так и вибрировало ощущение праздника.

В комнате Фарида оказалась одна. Пройдя экзамены, дождавшись зачисления, она упростила деканат выделить ей место в общежитии не в августе, как это положено, а в мае, и получила положительный ответ на свою просьбу: деревенским иногда шли навстречу.

Соседки разъехались на праздники. И этому обстоятельству Фарида была безмерно рада: не нужно с кем-то делиться сокровенными впечатлениями вчерашнего дня. И рыбный пирог, обещанный утром, никто ей не припомнит: не до того было ей в день рождения, не до того!

Она осталась одна практически на всем этаже, где обычно не затихала жизнь даже ночью. Комендант, женщина с усталым сморщенным лицом, не оживленным даже косметикой, ждала, когда же и Фарида уедет на лето в деревню. А та уже который день медлила – хотелось вкусить городской жизни.

И хочется и колется – это было сказано точно про Фариду. Одна по городу она практически не гуляла. Боялась заблудиться, страшилась неизвестности, вспоминала жуткие истории, рассказанные ей «на дорожку».

Фарида, еще нежась в кровати, улыбнулась широко, открыто, и вдруг резко вскочила. Обожгла утренним холодом линолеума ступни ног и, пересилив себя, не стала прятать их обратно в теплые недра постели, а пробежала до окна и отдернула плотную пыльную штору, скрывающую утро.

Открыла фрамугу окна нараспашку, и в комнату, обставленную по-спартански просто (всего-то четыре кровати да три тумбы со шкафом), ворвался солнечный ветер. Тонкий, почти прозрачный, и длинный до пола тюль натянулся белым парусом и заплясал, играя сам с собой тенями и ярким жёлтым светом.

В комнате сразу обосновались звуки улицы. Шумно затарахтели моторы автомобилей, закурькали ранние голуби, а уже через минуту зазвенели мелодичные разноголосые птицы. Издалека послышался звук удара упругого мяча об асфальт, кто-то спозаранку уже играл на футбольном поле.

Всходящее солнце затопило все теплыми, ласковыми лучами. Солнечный зайчик перекатился по светлому потолку, прыгнул на ручку шкафа, вернулся обратно. Оконная створка не стояла смирно, а покачивалась и приводила в движение яркий круговорот в маленьком пространстве.

Сразу запахло Городом. Торопливостью, спешкой, суетой.

Фарида почистила зубы и посмотрела на свое отражение в зеркале. Повертела головой, озорно подмигнула себе, пустила волной темные волосы из спутавшегося за ночь хвостика и, наконец, счастливо рассмеялась.

Все утро ей казалось, что Антон незримо присутствует рядом.

Словно смотрит, как она лукаво поглядывает в серебро зеркала раскосыми глазами, и удивляется сама себе, будто впервые видит. Отвернется и снова глянет. Неужто эта яркая, смешливая девчонка и вправду она, Фарида?

Будто видит, как она перебирает вещи в шкафу, обдумывая, в чем сегодня пойдет к на встречу, чтобы произвести то самое впечатление, которое останется с ним навсегда. Наблюдает за ее поспешными движениями и смеется: ну что же ты, Фарида, разве нужны мне твои тряпки? Как, вывалив на кровать ворох разной одежды: теплой, легкой, осенней, зимней, – сидит на полу посреди этого раздрая, прижав к холодным щекам горящие от волнения ладони, расстраивается: а ничего приличного-то и нет!

Или вместе с ней ждет, когда закипит чайник, боясь, как бы его гнутая вилка не выпала из чуть опалившейся розетки.

Это удивительное ощущение чужого ненавязчивого присутствия придавало ей сил, будто раскрывая невидимые крылья за спиной.

И только запивая булочку несладким чаем, она вдруг замерла от неожиданной мысли.

Сегодня она обещала приехать к бабушке в деревню! Но эби не знает о том, что её впервые в жизни позвали на свидание, и потому в деревню она не поедет.

Ее нужно срочно предупредить!

Она точно знала: бабушка будет ждать уже с утра. Напечет вкусностей: или сладкий пирог с капустой, или румяные оладьи, и обязательно заварит ароматный чай с травами, засушенными на чердаке еще с прошлого года.

Девушка представила себе, как бабушка в своем бледно-розовом с пионами платке поверх колфака, повязанным двойным узлом (чтобы не слетал) под подбородком, выглядывает на дорогу: не идет ли ее «алтыным», золотце, любимая внучка?

А к нагруженным ногам в белых шерстяных носках, что Фарида сама связала к Курбан-байраму в том году, будет ластиться приبلудившаяся кошка Мырау, и Зайнап эби будет ей приговаривать: «Как бы не опоздала Фарида, пирог-то совсем остынет, станет невкусным».

Девушка спешно прошлась щеткой по волосам, отчего они затрещали электричеством, натянула старенькое платьице и побежала на автовокзал.

«Не успею, не успею», – колотилось сердце. Дыхание перехватило и отдалось болью в правом боку.

Дорогу перебежала в неполюженном месте, один раз даже на красный свет, но зато на автовокзале оказалась минута в минуту к отправке автобуса до деревни.

На большой площади с небольшой сумкой в руках стояла и тревожно оглядывалась её подружка, бывшая одноклассница, тоже решившая попытать счастья в городе.

– Айгуль, Айгуль! – задыхаясь от бега, закричала Фарида.

Подружка тут же повернула голову на звук, и облегченно вздохнула:

– Ой, хорошо, что ты успела, Фэридэ! Где ты ходишь? Где тебя носит?

– Айгуль! Я в деревню сегодня не поеду. Скажи Зайнап эби, что останусь в городе и приеду в следующие выходные.

– Что случилось? Расскажи мне! – в худенькой, даром что из деревни, девушке чувствовался живой интерес, нетерпение новой сплетне.

Но тут водитель автобуса, толстый мужик в смешной кепке с заломленным козырьком, посигналил, поторапливая заболтавшихся пассажиров.

Фарида с облегчением от того, что не придется выдумывать небылицы, обняла и расцеловала Айгуль, на прощание помахала рукой озадаченной подружке и обрадованно побежала обратно в общежитие.

У неё впереди ещё было много дел: надо было красиво заплести косы, погладить мятую юбку.

Посмотрела на огромные часы автовокзала и поняла, что времени-то у нее достаточно.

И обратно возвращалась пружинистым, размеренным шагом. Дорогу перешла по зебре, покачала головой, когда парнишка в белых брюках перебежал на красный сигнал светофора, посчитала шаги от белой алебастровой клумбы, подготовленной под посадку цветов, до тропинки, протоптанной студентами.

– Девушка! Девушка!

Фарида остановилась и резко обернулась на мужской голос.

Запыхавшись, ее догонял незнакомец – белая рубашка, курчавые волосы чуть ниже мочек ушей, доброжелательная улыбка.

– Д-девушка, а ведь я вас еще на автовокзале п-приметил... – откинув голову, чтобы набрать воздуха, сказал он и доверительно посмотрел прямо в глаза.

– Зачем же?

Фарида искренне удивилась, даже плечами повела: никогда прежде с ней не знакомились на улицах, а тут сразу два дня подряд! Неужели в городе так принято?

Молодой мужчина чуть тряхнул головой, отчего кадык прошел вверх-вниз, и, снова набрав полной грудью воздух, выдал, споткнувшись в начале:

– П-познакомиться с вами хочу!

Девушка захохотала чисто, звонко. Незнакомец поддержал и тоже посмеялся открыто, приятно.

– Так я на улице не знакомлюсь! – задорно ответила она, искрясь весельем.

– Э-это не беда, давайте познакомимся в кафе...

Он развел руки в стороны, будто хотел захватить это концентрированное безоблачное довольство, которым горела Фарида, или показать, мол, смотри, я такой, как ты, и не представляю угрозы.

– Но я действительно не хочу, – вдруг сделала она серьезной. – Ведь я уже познакомилась!

Молодой человек опустил руки. Улыбка пропала, но через секунду уже играла на его губах снова:

– Тогда я п-поздравляю!

– Спасибо!

Фарида развернулась к тропинке и побежала к общежитию, довольная, радостная.

Паря над землей, словно теплый майский ветер, она прошмыгнула мимо комендантши, что постоянно цокала на молоденьких девушек.

– Бегают все, бегают. Что им неймется? – неодобрительно покачала та головой и поджала сухие губы.

Фарида сделала вид, будто не слышит, подозревая, что женщина с усталым лицом и ненакрашенными губами вряд ли поймет ее счастье, и, чтобы не оказаться вовлеченной в серый, пустой разговор, не стала ждать лифта, который натужно гудел двигателем лебедки, опуская кабину на первый этаж, а запрыгала по ступенькам наверх.

Закрyla за собой дверь, прислонилась к ней спиной, невидяще уставилась на окно с «гуляющим» от сквозняка тюлем, вдохнула полной грудью и снова почувствовала в себе это удивительное ощущение праздника.

Глава 3

Антон разбудило радио «Маяк», традиционно включавшееся на кухне в 6:30 утра.

Под бравурную музыку дед, до этого времени сделавший зарядку и убравший спартанскую постель, обыкновенно пил чай.

Антон хотел бы ещё поваляться в кровати, но они часто ссорились с дедом по этому поводу, а в это утро ругаться ни с кем не хотелось.

Сегодня у него были наполеоновские планы. Неожиданные каникулы скоро заканчивались, нужно было успеть многое сделать.

Так, они договорились с ребятами пойти в лес на шашлыки, к их обычному месту возле озера. Летом здесь можно было купаться, а зимой – кататься на лыжах. В такую погоду как сейчас, осенью и весной, они просто собирались там поболтать, поиграть в карты, пострелять по бутылкам.

Антон давно уже не встречался с ребятами. Он жил в другом городе и к деду приезжал только летом на месяц или того меньше. Если отец находил билеты в санаторий или отправлял их с матерью на море, Антон жил у деда только две недели.

И сегодня он предвкушал весёлые посиделки. Тем более что девочка, которую вчера встретил, согласилась составить компанию.

– Долго будешь валяться? – сурово поинтересовался дед, встав в проеме двери.

– Да встаю уже, встаю, – лениво потянулся Антон.

– Даю тебе пять секунд.

– Даже в армии вроде бы больше дают?

Дед хмыкнул, а Антон не стал больше пререкаться, поторопившись встать и натянуть домашний спортивный костюм.

На кухонном столе его ожидаемо встретил черный горячий чай с лимоном и бутерброд с маслом и сыром, приготовленный дедом. Антон улыбнулся: годы идут, а привычки остаются.

От чашки тонкой струйкой поднимался еле видный парок, и Антон сразу потянулся к чаю.

Стоя, сделал большой глоток, обжёгся, пожалел, что так много отхлебнул, поставил ее на стол, разлив воду по белой в цветочках скатерти.

Дед за столом и листал газету «Аргументы и факты», на которой при желании даже из коридора можно было прочесть заголовки статей.

Только Антон сел на табурет, дед сразу отложил газету, которая временами служила ему защитным забором от окружающих, и облокотился на дерево стола.

«Будет разговор», – догадался молодой человек.

– Антон, хорошо ли ты представляешь себе свое будущее?

– С чего такие философские вопросы с утра пораньше?

– Даже если тебя разбудят среди ночи, ты должен знать ответ на этот вопрос.

Антон, помолчав, ответил:

– Ну да, представляю.

– Можно поинтересоваться, что это?

Дед смотрел на него цепким взглядом поверх очков. От этого его взгляда подчиненные на ракетном крейсере «Дзержинский» и подводной лодке К-113 чувствовали, как по позвонкам ползет противный холодок.

– Ну как же. Стихи буду писать. Я это умею, – усмехнулся в чашку чая, всколыхнув парок.

– Надо же, какие откровения с утра пораньше от собственного внука! – поддержал ухмылку дед, ехидно всплеснул руками.

– А почему бы нет? Могу прочесть, если хотите, сударь!

– Отчего же, хочу, очень любопытно, – в глазах у деда заиграли хитринки.

– Запомни же ныне ты слово мое: Воителю слава – отрада; Победой прославлено имя твое; Твой щит на вратах Цареграда; И волны и суша покорны тебе; Завидует недруг столь дивной... – дурачась, Антон патетично продекламировал Пушкинскую «Песнь о Вещем Олеге».

– ...судьбе. М-м-м, неплохо. Только напоминает что-то...

Антон с аппетитом откусил бутерброд. Раз, второй, улыбнулся забитым булкой ртом – мол, не могу ничего внятного добавить!

– И всё-таки, Антон, я хочу тебе напомнить. Мужчина должен стремиться вперёд, работать над собой и не поддаваться внешнему влиянию. Что бы ты ни решил: работать в МИДе или нет, стать кем-то, – связи с дворовыми девчонками тебе в этом не помогут. Я даже больше скажу: они тебе помешают.

Антон сделал изумленное лицо.

– Дед, да перестань ты, а?

– Ты думаешь, что все это ерунда? Я сейчас говорю не как человек с медалями, а как твой собственный дед. Который желает добра и хочет, чтобы ты сделал карьеру.

Антон нахмурился.

– Да с чего ты вообще завёл этот разговор?

– Я жизнь, наверное, больше повидал. Потому и говорю тебе. Никаких девочек со двора. Мать там, в Москве, уже невесту нашла. Так что дурить здесь я не позволю.

– Дед, перестань. Ни с кем я здесь не дую. Не с кем тут дурить, понимаешь? Я уже через три недели уеду.

Молодой человек завелся. Снова эти разговоры о будущем!

– Ты меня понял, – проскрежетал Гордеев.

Поставив точку в этом странном разговоре, дед вышел из кухни.

Скоро начнется его обычный будний день.

Антон же посмотрел на часы и чуть не застонал: по его мнению, утро только начиналось, времени до встречи с Фаридой было очень много, и до этого надо как-то себя занять.

При воспоминании о ее маленькой ладошке в его руке, Антон улыбнулся и потянулся как кот. По его телу прошла теплая волна нежности. Эта девочка волновала его, будоражила, а ее природная хрупкость и скромность добавляла очарования.

Только вспомнив о тоненькой оголенной шее, на которой крутились кудряшками выбившиеся из кос короткие темные прядки, Антона затопило странное чувство, до этого времени не виданное им, а между пальцев едва ли искры не посыпались – так захотелось к ней прикоснуться.

Фарида казалась ему такой же тоненькой и маленькой, как гвоздики в её руке. Чуть надавить сильнее – и сломается стан, переломится стебель, осыплются листочки хрупкого цветка.

Когда был маленьким (Антон это почему-то хорошо помнил), он очень не хотел идти в детский сад. Сначала всю дорогу шел как примерный гражданин и радовал своей покладистостью мать. Но стоило им дойти до забора, бросался в слезы. Крупные соленые капли текли и текли по щекам, даже в уши попадало, отчего было холодно и немного щекотно.

Мать добежала до отдельного крыльца малышей группы, распахивала тяжелую, обитую дерматином дверь, вручала кричащий на одной ноте куль, иначе Антона-маленького назвать было нельзя, воспитательнице и поспешно уходила. Тот не мог успокоиться еще долго.

Воевали с ним тогда всем миром. Даже отец, отложив свои государственной важности дела, однажды взял сына за руку и повел, важно шагая, в садик. Всю дорогу они разговаривали. Антон крепко держал отца, поправлял упавшую на лоб белую панаму и выглядел в коротких шортах вполне себе крепеньким мужчиной, не способным на истерики. Отец улыбался прохожим, знакомым по дому, и хекекал себе под нос.

Но только дошли до забора – как все, ребенок ударился в слезы и никакие увещевания, окрики и даже слабый незлой подзатыльник не смогли привести его в чувство.

На крик выбежала молодая нянечка. Мигом оценив обстановку, она вытащила из фартука что-то маленькое и помахала предметом перед носом Антона. Тот заинтересовался.

Девушка разжала руку, и на ладони ее заблестела маленькая хрупкая балерина. Фарфоровая игрушка застыла в летящей позе: одна рука вниз – на стоящую пачку, а другая вверх – над темной головкой, с небрежным пучком каштановых волос. Антон проглотил слезы и с замиранием посмотрел на это чудо: непрочная, стремящаяся ввысь красота.

Балерина стала его оберегом на весь день. Он доставал ее из кармана шорт и смотрел, как играет фарфоровый блеск на солнце, как тянется балерина ввысь, несмотря ни на что. А вечером, дома, дед высказался, что негоже мальчику играть в куклы. И балерина пропала. Антон искал ее все утро, переживал, но игрушка не находилась. В тот день по дороге в сад он уже не плакал. Но и другие игрушки его очень долго не влекли.

Фарида показалась ему похожей на ту фарфоровую танцовщицу, насколько он ее помнил. Такая же грация в движении тонкой шеи, выбившиеся из прически ручейки выющихся волос, хрупкость белых рук. И при всей этой непрочности, обманчивой ломкости, какая-то сила, тонкий стержень внутри.

После холодного душа, стряхнувшего воспоминание, недолгих сборов, Антон был в условленном месте. Шагая по парковой дорожке, он смотрел, как по-летнему теплое солнце играло с редкими прохожими в парке, а распушившиеся воробьи прыгали в ажурных тенях. Теплый, уютный май дарил ощущение приближения чего-то хорошего, которое возникло у него только вчера.

Вдруг все вокруг замерло, а его будто что-то толкнуло. Он повернулся и в глубине аллеи увидел тонкий девичий силуэт. Кровь быстрее побежала по венам, и сердце забухало в груди.

Легкой походкой девушка шла по дорожке, сопровождаемая гомоном воробьев, платье подпрыгивало в такт упругому шагу, и ему казалось, что это само лето идет на смену замершей весне.

Фарида, приближаясь, тоже увидела его и заулыбалась, зарделась от его жадного взгляда. И смотрела в этот раз смело и прямо, не опускала застенчиво глаз.

Антон не удержался и сорвался с места к ней навстречу. Подбежал, замер, полыхнул весь с головы до ног.

Замер, а через секунду уже не смог совладать с собой и отпустил свое «я» на волю – на волне несдерживаемой радости обнял и закружил смеющуюся Фариду.

Легкая, точно котенок, тоненькая, как самописная ручка, она так уютно легла в его ладони, что Антон чуть не задохнулся от переполнявшего его чувства. Он остановился и обнял девушку, уткнувшись в ее макушку, чтобы выровнять сбившееся от переживаний дыхание. Фарида счастливо рассмеялась ему куда-то в область груди.

– Эге-ге-е-ей!! – все-таки поднял голову вверх и закричал, как школьник.

Фарида немного поколебалась, но обняла своими изящными руками за пояс.

Антон отпустил ее, взял за руку и повел вперед по аллее.

– Сегодня мы пойдем с тобой в парк отдыха. Говорят, там установили новый аттракцион.

Фарида, не задумавшись ни на минуту, согласилась.

По пути они ели сладкий пломбир, обжигающий холодом зубы, и смеялись надо всем, что видели. Почему-то именно сегодня все вокруг казалось ярким и праздничным, даже будничная троллейбусная остановка.

Полупустой салон троллейбуса с любопытством встретил улыбающуюся парочку. С интересом скользнул по ним взглядом старый дедок с палочкой в руке, хмыкнула кондуктор, ожи-

дая платы за проезд, презрительно скосилась молодая девушка на высоких каблуках, недобро впился глазами парень в спортивном костюме из конца салона.

Закрывая собой, Антон усадил Фариду к окошку, а сам тут же положил руку сзади на поручень. Фарида смеялась от такой явной опеки. Антон будто говорил всеми своими действиями: смотрите, эта девушка со мной! Не стеснялся ее, не чурался, а пытался быть ближе, будто срастаясь пальцами в пальцы, зрачками в зрачки.

Парень из конца салона лениво привстал, держась за поручень, чтобы вразвалочку от неровного движения троллейбуса дойти до их места. Несмотря на множество пустых мест, сел впереди и развернулся, нагло пройдя оценивающим взглядом по враз замолкшей Фариде.

Недобро улыбнулся, показав щербинку между желтоватыми зубами, перекатил слюну из одной щеки в другую, сплюнул прямо в проход:

– Деревня!

Антон среагировал молниеносно: кулаком правой руки резко заехал по носу наглеца.

Парень взвыл и схватился обеими руками за нос, из которого во все стороны брызнула кровь, заливая его зубы, рот, открывшийся в проклятиях.

Антон вскочил, замахнулся кулаком на сжавшегося транспортного хама, но на руке его повисла испуганная Фарида.

Немногочисленные пассажиры загудели, загалдели, старик замахал палкой, а девушка на каблуках зло рассмеялась.

Фарида потянула Антона к выходу, боясь настоящей драки, а парень и не собирался преследовать парочку, выскочившую из салона на пустой остановке, все держался за разбитый нос да раскачивался от боли взад-вперед.

Троллейбус, посигналив колокольчиком, закрыл двери и двинулся дальше.

Фарида схватила руку Антона, прижала к себе, потом погладила сбитые костяшки на пальцах, подула на сжавшийся кулак и поцеловала проявившуюся царапину.

Антон ошеломленно замер. Мир кругом стал серым и пустым. Осталась только она – почерневшие от тревоги глаза и розовые, чувственные губы, только что обжегшие его пальцы.

Страхнув с себя морок, он потянул ее вслед за собой: до парка аттракционов не доехали всего одну остановку.

– Не ожидала, что ты такой... – смотрела на него как на принца в доспехах Фарида.

– Красивый? – шутил он.

– Высокий? – забавлялся.

– Неотразимый? – ерничал.

– Фу, шутник! – нашла Фарида в себе силы оттолкнуть вдруг ставшего серьезным Антона.

– Шутник! – подтвердил и он.

Глава 4

В парке их ожидаемо захватило продолжение праздника. Теплое солнце выгнало из домов весь город. По случаю выходного – кругом гомонили дети, их догоняли ошалевшие родители, веселые компании и скромные парочки встречались тут и там. Разухабистая музыка лилась из «колокольчиков» на фонарях и добавляла сумбура и пестроты. К каждой карусели вели длинные очереди, и в них слышались только шутки да задорный смех.

Воздух пах не только клейкими новенькими листочками, но и пузырящимся сладким лимонадом, цветочными духами, немного солодом и теплым асфальтом.

Фарида чувствовала, что ей не нужно никаких аттракционов – и без того кружится голова. От смеха, впечатлений и эйфории от его прикосновений.

Она совсем не смотрела по сторонам, во всем доверившись неугомонному Антону.

По парку девушка только однажды прогулялась с подружкой когда приехала в город из деревни поступать, но толком не каталась ни на чем – только смотрела. Даже не очень дорогие билеты существенно били по карману, а потому она только впитывала все эмоции, которыми был наполнен здесь воздух.

А сегодня Антон едва ли не насильно усадил ее на красный стульчик аттракциона, привязанный двумя цепями к кольцу, раскрутил, чтобы было страшнее, и оставил кататься на «Вихре».

Не дождавшись, пока она придет в себя, провел на «Вальс». Держа за руку, сел вместе с ней в кружащуюся по кругу ракушку и все время смеялся.

Отстояв приличную очередь, заставил сесть в лодочку «Летучего голландца», что взмывала как качели на немыслимую высоту, а потом, смилостивившись, отвел на лавочку отдохнуть, купил сахарную вату и предложил прокатиться на «Чертовом колесе», самом высоком аттракционе.

Крепко держа подтаявшую до сахарного сиропа от горячих пальцев розовую вату, Фарида испуганно смотрела, как Антон отдает цветные билеты контролеру, звенит цепочкой, закрывающей вход в железную кабинку на гигантском колесе.

И вот Антон, улыбаясь, сел на карусели напротив, положив руки на руль. Зрачки его расширились, когда он взглянул на нее.

– Это мой самый любимый аттракцион. Мы с дедом всегда катались на нем два круга. Он считал, что так избавляет меня от страха высоты, а я и не боялся совсем. Просто мне нравилось, что мы с ним проводим время только вдвоем, – рассказывал он, чтобы немного снизить градус напряжения.

Но чем выше они поднимались, тем сильнее вжималась в кресло Фарида, испуганная скрежетом железных креплений, проплывающими мимо верхушками деревьев.

А когда приблизились к пику, и вовсе зажмурилась.

И только почувствовав движение Антона, немного расслабилась.

– Открой глаза, – попросил он.

Фарида отрицательно замотала головой.

– Открой, – его голос показался сиплым.

Почувствовав его волнение, приоткрыла глаза и едва снова не зажмурилась от его темного взгляда. На этот раз не было в нем ни привычной смешинки, ни дурашливого раскаяния, только что-то серьезное, глухое, глубинное.

Он молча приблизил свое лицо и накрыл ее губы своими.

А она словно в пропасть рухнула и, если бы стояла, точно упала бы на колени.

И страх перед высотой и открывшимся безбрежным небом вмиг пропал. Фарида сразу поняла, томимая теплотой его губ, что пропала, бесповоротно растворилась в нем, и только что вручила ему свою судьбу и право на себя.

На «Чертовом колесе» они проехали три круга.

Оказавшись на земле, все еще ощущая покачивание железной карусели, Антон взял ее за руку и молча повел к выходу. Фарида покорно засемила за ним.

Она не спрашивала ни куда они идут, ни зачем. Полностью доверившись Антону, словно пропала для мира, будто попала в кокон, где нет места собственным мыслям, собственным чувствам, собственным устремлениям.

Но вот навстречу Антону из главного входа парка шли его старинные приятели.

– Черт, я совсем забыл, – протянул молодой человек, чуть сильнее сжав ладошку девушки.

– Что такое? – заволновалась, угадав, что молодые люди идут навстречу по их душу.

– Договорился с ребятами встретиться и совсем забыл.

Парни подошли к остановившейся парочке, обменялись приветственными рукопожатиями, с интересом скользнули взглядами по Фариде.

– Мы на карьер договаривались, забыл, что ли? – лениво растягивая гласные, сказал самый высокий и худой из них, похожий на заточенный карандаш.

– Ребят, может, не сегодня? Я не один, – Антон многозначительно скосил глаза на смущающуюся Фариду.

Кругленький товарищ, поддержав «карандаша», замахал руками:

– Нет, нет и нет. Отказы не принимаются. Все уже там, я есть хочу, давайте скорее шевелите ногами!

Антон с сожалением посмотрел на Фариду:

– Может, сходим ненадолго? Эти ребята – мои бывшие одноклассники, я вроде как договаривался с ними встретиться.

Фарида пожалала плечами. Решил так решил. Едва парочка – толстый и тонкий, – услышав положительный ответ, ушли чуть вперед, она прижалась к Антону.

– Я пойду, пожалуй, – выдохнула, а у самой сердце сжалось: так хотелось побыть с ним еще немного.

– Ты что? Теперь-то тебя никто никуда не отпустит, – уверенно и громко сказал Антон, взял ее за руку, погладив большим пальцем дрожащую ладошку. – Никто тебя не обидит, ты же со мной!

Пока ехали в автобусе, пока закупались в ларьке алкоголем, пока шли по лесу к озеру, ребята шутили, смеялись в ожидании хорошего вечера, а Фарида только скромно молчала и старалась держаться ближе к Антону.

На озере уже вовсю шел гудеж. Вполне предсказуемо там оказались не только одноклассники Антона, кто-то взял с собой друзей, кто-то – девушку, и в итоге на озере дым в прямом смысле стоял коромыслом. Возле старого ржавого мангала обсуждались последние спортивные новости, у речки кто-то громко спорил на тему, можно ли уже купаться, тонконогие девушки весело смеялись напротив грубо сколоченного стола.

Мимо них продефилировала стройная блондинка, явно привлекавшая внимание мужчин от шести до шестидесяти: тонкокостная, большегубая, – изящное воплощение голливудского идеала. Ребята сразу же встали в стойку, как собаки на охоте, держа нос и хвост по ветру, но прелестница томным голоском выделила только одного, того, кто как раз не изменился в лице, и на ее эффектное появление никак не отреагировал:

– Привет, Антошенька.

– Привет, Света. Хорошо выглядишь, – и только.

Тут же свернул ребят в другую сторону, а толстый и тонкий сразу грамотно потащили Антона здороваться-знакомиться, Фариду оттеснили к стайке девушек. Только она сделала пару шагов по направлению к ним, как веселый девичий гомон прекратился.

Эфирное видение, гений чистой красоты, модель на выезде, с ленцой дошла до подружек и обернулась на Фариду.

Та замерла. Решив не связываться, отвернулась и тихонько зашагала к реке, оглядываясь в поисках рубашки, что только недавно белела рядом спасительным парусом.

– Ты посмотри, Свет, кажется, твой Коротков пожаловал.

– Не может быть! Тебе показалось, Маш! Он же у нас столичная штучка, к нам сюда и не заглянет, Московская академия, все дела...

– Да ладно тебе, у нас тоже неплохо кормят...

Раздался дружный смех.

– И накорми! Зря, что ли, встречались в школе!

Разноголосые подколки продолжились.

– Слушайте, так Коротков не один пришел-то.

– Ну конечно, мальчишки же его встречать пошли, не один.

– Да не в этом смысле, Русланчик сказал, с буренкой какой-то гулял. Кожа да кости, косички по бокам. Деревня, одним словом.

– Что это нашего Антошку потянуло на новенькое? Приключений захотелось? Или здесь никто не дает? Ни за что не поверю.

От нового взрыва хохота Фариды сбежала.

Встала в одиночестве у речки, под раскидистыми ветвями печальной ивы, почти слившись с неожиданно свалившейся на лес полутьмой и тягуче вздохнула. Там, на поляне, словно был другой мир, состоящий из веселых, разухабистых прожигателей жизни, к которым и относится Антон, призналась себе Фариды.

И сразу вспомнились бабушкины наказания держать себя чуть в стороне, в строгости, чтобы не пришлось перед знакомыми да родственниками краснеть.

Так что же она здесь делает? Такой опыт не принесет ничего хорошего: вон уже и музыку включили, и кто-то в воду с разбега плюхается – ясное дело, без большого количества алкоголя на такое не решиться. Даже немного страшно стало. В деревне с ребятами в такое позднее время Фариды не гуляла – бабушка была против, хотя даже соседку Айгуль мама ненадолго отпускала, а у той бабай – мулла.

Со стороны полянки кто-то приближался к ее неожиданному укрытию. Фариды машинально отступила в сторону, глубже, под защиту веток ивы.

– Да ладно тебе, Тох, ты не женат, я не замужем, тем более что наше знакомство состоялось не здесь и не сегодня.

– Светочка, что-то тебя на ностальгию сегодня потянуло?

– Известно что. Почему ты не звонил мне, когда уехал?

– Свет, давай не будем сейчас. Ну что ты начинаешь...

– Я не начинаю. Я понять хочу. Получил, что хотел, и все? Света больше не интересна?

– Зачем ты сейчас, Свет?

Фариды услышала тихое шуршание.

– Свет, ну прекрати.

– Тош...

– Света! Я здесь не один! Я тебе сказал!

Он прошел дальше и встретился глазами с застывшей Фаридой. Девушка осталась позади. С перекошенным от злости лицом она смотрела в спину Антону, а потом перевела

взгляд на соперницу и тут же расслабилась. Чуть дернулась брезгливо и презрительно рассмеялась.

– Ну, Тош, мое предложение в силе. Пока в силе, – интонацией выделила она последние слова.

Сказала – и убежала к полянке, где разгоралось веселье, тут же вклинившись со смехом в собравшуюся у костра толпу. Захохотала, закружилась, переняла у кого-то рядом стоящего стаканчик с выпивкой и опрокинула в себя. Закашлялась и еще пуще рассмеялась.

Антон все так же стоял и не отрывал взгляда от Фариды, а она не могла заставить себя перестать смотреть на развеселившуюся в отчаянье Свету.

– Привет.

– Привет.

Он помолчал еще, собираясь с мыслями.

– Ты не думай, Светка не такая. Выпила просто немного, вот и повело ее.

Сделал шаг навстречу. Фарида отшатнулась. Антон поморщился.

– Мне пора.

– Да перестань, рано же еще. Веселье только начинается.

– Ты не понял. Мне пора. Общежитие скоро закроют.

Она выбралась из-под защиты раскидистой ивы. Посмотрела в сторону полянки, огляделась в поисках тропинок, чтобы как-то обойти всех этих людей, не показываясь на глаза.

Антон вздохнул, с тоской взглянул на друзей в кругу света и протянул руку:

– Я провожу.

– Я сама.

– Слушай, перестань. Сейчас уже темно. Пойдем.

Фарида молча пошла вперед, не оглядываясь. Побоявшись идти через лес, устремилась той дорогой, что смогла запомнить. Антон плелся следом, настороженный, ожидая какой-то реакции от девушки.

– Эй, Тох, идем сюда! – сразу посыпались голоса с поляны.

– Потом, ребят, потом! – отмахнулся молодой человек.

Выйдя из освещенного круга, оказавшись в тени, снова взял ее за руку и не дал отстраниться. Молча повел за собой сквозь лес, по едва различимой в темноте тропинке, к остановке.

В городе оказалось чуть светлее, чем в лесу среди таинственных молчаливых деревьев. Тут же оглушил шум машин, свет разгорающихся вдоль трассы фонарей.

На остановке ожидаемо никого не было, автобусы, наверняка в такое время игнорируя расписание, сворачивали гораздо раньше, не рискуя связываться с раздурившейся молодежью, отдыхавшей на озере в любое время года.

По пустой дороге на большой скорости пронеслась машина. Антон встал у края остановки, оставив Фариду под козырьком бетонного строения ежиться от пробиравшегося под тонкую блузку холода.

Поднял руку – и через несколько минут возле него, наконец, тормознул желтый «жигуленок».

– Шеф, до общаги технологического добросишь?

– Один?

– Двоих.

– Садитесь, – ухмыляясь в черные усы, ответил мужик, оценив и девушку, что усаживал на заднее сиденье молодой человек, и место, откуда вышла парочка, и пункт назначения. – Ну, дело молодое, бывает.

Фарида покраснела от его намека и тут же отодвинулась от горячего бедра Антона, севшего рядом с ней на заднее сиденье, полыхнув взглядом, словно призывая держать дистанцию.

Антон же, не обращая на это никакого внимания, положил руку на спинку за ней. И на каждом ухабе плохо отремонтированной дороги чуть дотрагивался до ее открытой сзади шеи, посылая импульсы прикосновением.

– И я когда-то был молодым, – решил разбить молчание в машине мужик. – Мы тут с моей женой гуляли, такая она была... ух! Грудь, попа, а характер! Армией могла командовать! Во всем была впереди!

Все замолчали, но Антон разрубил неловкую тишину:

– А сейчас что же?

Антон чуть подался вперед, отчего стал даже ближе к Фариде.

– А разошлись с ней. Сейчас второй раз женат. Но, знаешь, не зря говорят: первая жена от Бога, вторая – от лукавого. Черт меня дернул тогда с ней разойтись, но что сделано, то сделано. Но такая грудь у нее была... мм...

– Остановите машину, – глухо выдавила Фарида.

Мужик взглянул в зеркало заднего вида на Антона, передавая ему право на решение. Тот кивнул.

– Спасибо, шеф. Тут тормозни.

Забирая протянутые Антоном купюры, мужик сморщился, от чего усы смешно съезжались.

– Ты это, прости, если что не так сказал.

Антон отмахнулся, хлопнул дверью и побежал по дороге, догоняя спешащую Фариду, похожую в своей белой блузочке на молнию в грозовом небе.

– Да стой ты, стой!

Мужик чуть нагнулся, проследив за парочкой.

– Ну и дурочка, – буркнул себе под нос и, газуя, рванул с места.

Фарида замерла с напряженной спиной. Антон, запыхавшись, догнал ее и встал напротив опустившей взгляд девушки.

– Ну что ты как маленькая? У меня со Светкой было, но когда? На выпускном в школе, уже два года прошло. С чего она решила, что снова все можно начать, не знаю, я даже повода не давал.

Фарида, отмерев, обогнула его и снова пошла вперед, чеканя шаг.

– Такая история у меня с ней была, я же не виноват в своем прошлом.

– Антон, ты прости меня, но мне правда пора.

– Ничего не понимаю. Ты не из-за Светки, что ли, такая?

Она, наконец, остановилась, посмотрела глаза в глаза.

Фарида молчала. В полной тишине так и шли: она впереди, он за ней, недоумевая над женской логикой, оглядывая прямую напряженную спину, косички, что та то и дело откидывала назад. Тонкая фигурка то появлялась, то пропадала, ныряя в омут света фонарей.

Антон удивлялся про себя. Первый раз такой фортель от девчонки. Обычно все бывало наоборот. Он уходил, ему глядели вслед. А тут?

Он уже подумал было схватить за плечи, потрясти, зажечь этот потухший взгляд, но одернул себя, напомнив, что решил держать себя в руках, тем более здесь – в темном парке возле дома.

Фарида же настолько была зла на себя за то, что сердце радостно заходило в присутствии Антона, за то, что, посмотрев со стороны глазами его друзей, какими бы они ни были, впервые почувствовала за себя стыд. Но главное, за то, что они действительно были разными. Он – золотой мальчик из города, и она.. она... Как же она не поняла этого сразу?

Девушка так углубилась в свои мысли, так разгорячилась, что ничего не видела перед собой. Очнувшись только от незнакомых голосов.

Оттолкнувшись от неосвещенной лавочки под деревьями, перед Антоном материализовались две тени.

– Слышь, закурить есть? – противно протянула одна темная фигура.

– Не курю, – Антон полоснул взглядом по парням, преградившим путь.

Фарида почувствовала опасность и, несмотря на свою былую решимость уйти, развернулась и встала рядом с молодым человеком. Тут один из парней повернулся, и его лицо осветила луна.

– О-о-о, да это мой новый знакомый!

Антон едва слышно застонал: под глазом парня наливался синяк, оставленный им же утром, а нос, хоть и был тщательно вытерт от крови, все равно казался багровым, особенно в сумерках.

Тот чуть наклонился к нему, и сразу пахло алкоголем.

– Какие люди!

– Этот, что ли, тебя? – хмыкнула вторая фигура.

– Я щас тебя научу родину любить!

И, будто отвечая на утреннюю неожиданную выходку Антона, с размаха ударил того в нос кулаком. Тот чуть не взвыл – не успел мысленно подготовиться к драке и оттого удар показался еще больнее.

Тут же словно искры из глаз посыпались и чуть закружилась голова, болезненно запульсировало в висках. Он машинально схватился за место удара, придерживая хлынувшую кровь, и где-то краем сознания услышал, как завизжала Фарида. Это его отрезвило и он, неуверенно прицеливаясь, кинулся на обидчика. Несмотря на настрой – ведь есть за кого сражаться, – на взбодривший адреналин, Антон явно проигрывал. Теперь его били двое, ожесточенно, радостно скалясь, то и дело отпихивая пытавшуюся вмешаться Фарида.

Один не выдержал, развернулся, схватил ее за руку, разорвав рукав, да и пихнул со всей силы в траву, отчего она отлетела и брякнулась на холодную майскую землю.

Парень еще раз для верности пнул Антона под ребра и показал второму знаком, мол, довольно.

– Валим, – согласился зачинщик драки и они оба, демонстративно отряхнувшись, пошли, не торопясь, по аллее, тут же скрывшись из виду.

Фарида вскочила с земли и помогла подняться Антону. Тот утер нос от крови, запрокинул голову и улыбнулся ее заботе: рукам, заскользившим по телу, проверяя, не болит ли еще где, нет ли еще где-то кровавых пятен.

– Преступление и наказание. Блин.

– Надо в милицию.

– Да ну их.

Он придвинулся ближе, еще и обнял ее, пользуясь положением пострадавшего.

Фарида внимательно посмотрела.

– Антон, давай поедem в больницу. Ты весь в крови. А вдруг у тебя сотрясение мозга?

Он рассмеялся, еще больше убедив ее в своем мнении.

– Ерунда, бандитская пуля!

– А вот домой зайти бы не мешало. В таком виде, – он показал на свои пальцы, испачканные в крови. – Далеко я тебя не провожу. Ну, может быть, до ближайшего отделения милиции.

– Проводишь меня? – голос звучал глухо, как из бочки.

– Конечно, не могу же я тебя так оставить.

Фарида царапнула его взглядом, но Антон выражал только умиротворение от ее ответа.

До лифта он опирался на нее, словно раненный солдат, но не переносил вес тела, а только держался за ее хрупкие плечи, чтобы быть уверенным, что в этот раз она не сбежит, никто снова не появится из темноты и никакие тени не вырвут птичку из лап кота.

Чувствуя ее бедром, рукой, телом, Антону казалось, что она словно вращается в него. Так вся ее ладная фигурка подходила ему, была подстать.

Антон неуместно вспомнил деда, когда тот говорил о его родителях. Мол, друг другу они подстать – оба одной породы – интеллигентные люди, умные, деловые, уверенные в себе. Антону же казалось, что дед неверно понял это слово. Фарида была ему под стать — маленькая, компактная, фигуристая и удобная.

Оперевшись на нее так, чтобы она оказалась в его объятии, Антону понравилось то, как он себя при этом чувствовал. Нравилось то, что она невысокого роста, нравилось, как она еле заметно трепещет, когда смотрит на него, нравился ее запах – чистоты и свежести, но больше всего нравилось то электричество, что искрило и мерцало между ними.

И оказавшись возле двери квартиры, вместо того чтобы искать ключи в карманах, он остановился и поцеловал ее. Не почувствовав сопротивления, поцеловал еще и еще, а потом и вовсе загорелся, и снова в нем заиграли отблески праздничного салюта, и в ней он сразу нашел отклик. Почувствовал, как у нее сбилось дыхание и ему показалось, что он ступил на землю после кружасьего аттракциона.

Глава 5

Утром Фарида тихонько, на цыпочках, вышла в светлую просторную кухню.

– Ну, здравствуйте, милочка. Фарида, если не ошибаюсь? Доброе утро. Не глядите так удивлённо: имена я хорошо запоминаю. Тем более что мне выпала возможность познакомиться с вами не так давно, всего два дня назад. Или один? Поправьте меня, если ошибаюсь. Да – и присаживайтесь, не стойте в дверях. Зачем-то же вы сюда пришли. Побеседуем немного.

Николай Петрович выглядел так, словно всю ночь сидел за этим столом, и потому с первыми лучами солнца решил освежиться чаем. Он был бодр, насмешлив, весел.

Фарида оглянулась, будто надеясь увидеть поддержку в лице Антона, но коридор ожидаемо оказался пуст.

Она опустила уголки губ (ну никак не получилось изобразить улыбку) и в упор посмотрела на Гордеева.

– Присаживайтесь, Фарида, поболтаем.

Несмотря на жгучее желание сбежать, Фрида собрала волю в кулак и села за чистый стол, накрытый белой скатертью. Даже стул не скрипнул под ее весом.

– Красивых девушек я вижу здесь часто, но редко с кем удается поговорить. Ваше поколение ко всему относится проще, даже к главной традиции: уважению старших. А ведь между тем это основа основ. Ты уважаешь и заботишься о старшем поколении, а потом дети и внуки так же заботятся о тебе, что говорит об общем воспитании, общей культуре человека. И этим, я думаю, мы отличаемся от животных. Волки бросают слабых и немощных сородичей, медведи загрызают, а люди – совсем другое дело.

Фарида тоскливо зажмурилась. Не о таком разговоре мечтает каждая девушка с утра.

Гордеев говорил спокойно, не выделяя интонацией слова. И от того казалось, что лекция скучна ему сама. Но тогда зачем же он держит её здесь? Зачем словно иглами жалит своими голубыми старческими глазами?

– Я думаю, что я хорошо обучил этому Антона. Уважение к старшим привито ему с молоком матери, к слову, моей дочери. Сейчас она в Москве. Очень интеллигентная семья: у нее – преподавательская деятельность, у него – работа в Кремле. Иначе говоря, довольно занятые люди. Занятые и, как видите, довольно занятные.

Он рассмеялся каркающим смехом, довольный собой.

– Сейчас они отдыхают в Италии, и потому Антон остался у меня. Несмотря на то, что он уже взрослый, деда забывать не следует. В этом мы все солидарны.

Тут он словно подсобрался, придвинулся на стуле ближе к столу, облокотился на него и впился в лицо Фарида.

От прежнего ленивого хозяина не осталось и следа. Сейчас перед ней сидел генерал, способный сказать слова, после которых на амбразуру кинутся толпы людей. Фариде показалось, что на его белой простенькой летней рубашке проявились погоны, которые она видела на параде Победы 9 Мая, когда тот выступал перед многотысячной толпой.

– Думаю, что, когда он женится, Антон не оставит привычки приезжать на лето поведать старика.

Фарида расслабилась. Видимо, зря она в чем-то подозревала Гордеева. Он так же, как и она, любит Антона. И тоже думает о его будущем.

Все будет хорошо, незаметно выдохнула она. И скромно улыбнулась, тихонько откинувшись на спинку стула.

Только сейчас Фариде показалось, что комната, залитая утренним майским солнцем, совсем не похожа на темный и узкий спичечный коробок. Вся она полна воздуха, уюта и летней радости.

Впервые Фарида вдохнула. Она даже перестала теребить край юбки и положила руки на стол.

И вот тут Гордеев нанёс последний удар:

– Думаю, может, на свадьбу как раз успею, до августа время есть. Дочь и дату мне телеграфировала, правда, я запомнил. Но это не страшно, у Антона спрошу. Он как раз должен скоро проснуться. А что вы Фарида побледнели? Что-то не так? Может, вам водички налить? Что-то я веду себя не как хороший хозяин. Даже гостю чаю не предложил. Но вы должны меня понять, красивых девушек я здесь вижу часто, но все они имеют совесть не попадаться на глаза старому человеку. Видимо, пытаются соблюсти рамки приличия. И это тоже редкость в наше время. Вы со мной согласны, Фарида?

Если бы можно было провалиться сквозь пол, Фарида, несомненно, так бы поступила. Но, конечно, такой способностью девушка не обладала.

Кое-как выговорив слова прощания, она схватила босоножки и босиком выбежала в подъезд. В уголках глаз собрались горячие слезы, готовые пролиться безудержным потоком, и показывать их кому-то она не могла. Конечно, она сама виновата во всем – с первой до последней секунды их встречи.

Зачем она так легко доверилась? Почему, не думая о последствиях, пошла к нему, пусть и на эмоциях, пусть и на таком моменте, когда общее потрясение порвало тоненькую ниточку, что отделяла их друг от друга.

И что самое жуткое – сожаление это проявилось только тогда, когда она поняла, что не являлась для него особенной, единственной, и что он не кипел и не горел все это время встречей с человеком, который сразу показался родным, а просто воспользовался ситуацией, как, видимо, со многими другими до нее.

Обиднее и больнее всего стало именно это открытие, а даже не известие о скорой спланированной свадьбе. Эту мысль она просто не могла уложить у себя в голове. Все казалось настолько фантастическим, за гранью добра и зла, что Фарида просто не смогла как следует все обдумать и прочувствовать. Она босиком бежала в общежитие, вызывая удивление у редких утренних прохожих, иногда останавливаясь перевести дух.

И в тот момент, когда она, прислонившись в одиночестве к огромному дереву, прикусила до крови кулак, чтобы не разреветься так, как хотелось: с воем обманутой наивной души, криком поруганной чести, воплем растоптанной гордости, она поняла, что должна сделать.

А в это время на кухню в квартире деда вышел улыбающийся Антон.

– Ох, дед, ты уже тут как тут! Все в порядке? Как твое самочувствие? Ты сегодня встал даже раньше, чем обычно. Может быть, у тебя появилась дама сердца и из-за дум о ней ты не можешь спать? «Что может сравниться с Матильдой моей?» – фальшиво пропел он кусочек оперы и игриво поиграл бровями.

Гордеев сложил руки на груди и насмешливо наблюдал за внуком.

За тем, как он, рассыпав заварку, засыпает в маленький чайник чай, открывает и закрывает ящики в поисках ножа, ищет по всей кухне хлеб, нарезает сыр, предварительно уронив его на пол.

Намучившись, он в конце концов достал три чашки и поставил их на кухонный стол.

– Дед, мне нужно тебе кое-что сказать, но, я думаю, ты взрослый человек и поддержишь меня. Я кое-кого встретил, и это очень важно, очень серьезно. И потому у меня вопрос. Если я переведусь из Академии народного хозяйства, ты разрешишь мне жить с тобой? Я не против общежития, но все же... Хорошо обдумай свой ответ, всё же я твой единственный внук. И хочу напомнить: единственный и горячо любимый внук.

Антон захохотал старой домашней шутке.

– Что, прямо так и приедешь сюда учиться?

– А почему бы и нет? Я хорош, она чертовски привлекательна.

Он оглянулся на дверь, словно кого-то ожидая.

– Третья чашка лишняя на этом столе, Антон, – дед демонстративно подвинул горячий чай к себе.

– О нет, только не эти рассуждения о благородстве крови, только не сегодня. Фарида хорошая девочка, сирота, если тебя интересуют её родственники, имей ввиду, что её дед – герой войны.

– Хорошие девочки не ночуют у малознакомых молодых людей, – стужей в его голосе можно было заморозить кого угодно, только не закаленного равнодушием родителей Антона.

Молодой человек переменялся в лице и побежал в ванную, где, как он думал, скрывалась Фарида. Конечно же, ни там, ни в своей комнате он никого не обнаружил.

– Ты что-то сказал ей, ты её обидел!

В волнении он взъерошил волосы пятерней.

– Я? Как можно? Могу ли я указать молодой девушке, что негоже проводить ночи с кем попало?

Антон побледнел. Зажав кулаки так, что даже костяшки чуть посинели от нехватки крови, он выскочил в коридор, схватил первую попавшуюся куртку, чтобы не бежать с голым торсом по улице, и выскочил в подъезд.

Спустя несколько томительных десятков минут он был возле общежития.

Комендантша с усталым лицом ни в какую не давала информации о тех, кто находился за её вахтой.

– Да вы гестапо! Фашистка какая-то! У людей тут жизнь рушится, а вы?

– Значит так, молодой человек. Вы даже фамилию ее назвать не можете, а что-то от меня требуете. Мимо меня в день восемьсот человек проходит, и это в каникулы! Поэтому не загроживайте проход, уходите, иначе я вызываю милицию.

Женщина без грамма косметики на лице от этой педагогической тирады стала даже немного симпатичнее: от гнева кровь прилила к щекам, глаза стали ярче.

Антон промолчал, только сейчас понимая, что выглядит немного странно в тёплой дедовской куртке, которую, не глядя, схватил в коридоре.

Он обошел здание огромного общежития, крикнул наугад имя Фарида в окна, а потом отправился домой.

Там он объявил деду бойкот и молчал всю неделю. В эти дни он ходил к общежитию, познакомился там с некоторыми ребятами, но никто не мог по его описанию распознать Фарида.

Сходил и в университет, но там её поиски заняли бы ещё больше времени. На кафедре на него посмотрели круглыми глазами, удивляясь, как можно искать девушку, не зная её фамилии и специализации, на которой она учится.

А через неделю позвонила мать, вернувшаяся из Италии, и срочно вызвала сыночка домой.

По тому, каким елейным голоском она разговаривала, Антон догадался, что дед его просто-напросто сдал, не желая, чтобы их сынок-барчук общался с девчонкой из деревни.

На кафедре и в общежитии Антон оставил свой адрес, номер телефона для Фарида, и просьбу, чтобы она обязательно с ним связалась, ожидая, что глупое недоразумение как-нибудь разрешится.

И от того, что она так внезапно пропала на самом пике его влюблённости, Фарида начала ему сниться. Всегда после этих снов в первые минуты пробуждения он чувствовал себя на подъеме, хотелось что-то делать, творить, говорить, а потом постепенно это ощущение пропадало.

И через какое-то время, закруженный водоворотом жизни, её образ немного померк.

И он уже понимал, даже если Фарида переступит через гордость, очень маловероятно, что дед ему об этом не сообщит, науськанный матерью блюсти чистоту профессорской крови.

Началась тяжелая учёба и насыщенные будни.

А уже в октябре, благодаря стараниям родителей, он познакомился с высокой, стройной и очень сексуальной девушкой с подходящей родословной и в перспективе красным дипломом МГУ, дочкой ректора, Натали.

Девушка много улыбалась, смеялась, была умненькой, многого не требовала и закрывала глаза на то, что Антон пару раз случайно называл её чужим именем, странным и непривычным.

А уже в январе они поженились.

Глава 6

Зайнап эби сегодня встала позже, чем обычно. Впервые за последние годы ей приснился покойный муж, Вагиз бабай. Во сне он клал печь, молчал и как-то строго смотрел на свою «карчык», так он любил называть ее при жизни.

Проснувшись, Зайнап эби подумала: Вагиз бабай никак не может простить, что при присоединении дома к газу за ненадобностью снесли печь, выложенную им. Вот уже два года они пользуются газом и напрочь забыли многовековую деревенскую проблему, как заготовка дров на зиму. Включил кран – и дом обогревается за считанные минуты. Большие печи уступили место небольшому газовому оборудованию. Только вот душа покойного бабая не может смириться...

А может, явившийся во сне Вагиз пришел, чтобы забрать её? В последнее время артрит мучил, давление играло, и сердце давало о себе знать...

«Вагиз, кадерлем, не торопи, Фарида еще не выучилась, я должна её поставить на ноги. И Аллахым, дай мне жизни и здоровья!» – с этими мыслями Зайнап эби встала с постели.

Увидев, что хозяйка проснулась, прибежала кошка, делившая с эби радости и печали жизни. Ласкуша Мырау, по утрам выполнявшая роль будильника, не поняв, то ли она проспала, то ли хозяйка раньше встала, на всякий случай виновато мяукала, терлась об ноги Зайнап эби, пока не получила утреннюю порцию молока.

Сегодня на летние каникулы должна приехать Фарида. Нужно приготовить для кровинушки – внученьки – ее любимые шаньги с картошкой, сварить суп с домашней лапшой и вяленого гуся пора достать из чердака.

Зайнап эби, быстро завершив утренние дела во дворе, накормив утят и цыплят, зашла домой, поставила тесто. Соседка Марьям занесла молока: Зайнап эби пять лет назад перестала держать корову, до прошлого года у нее были козы, а как Фарида уехала в город, пришлось и от тех отказаться, с больными суставами стало тяжело доить. Благо, соседи хорошие – дай им Аллах долголетия и здоровья – через день приносят молоко, угощают сметаной, катыком и творогом.

Сегодня у Зайнап эби тесто получилось отменное, вместе с шанежками она решила приготовить еще пирожки с луком и яйцом. Фарида приехала как раз к тому времени, когда Зайнап эби доставала из духовки выпечку.

Бабушка, услышав звук открывающейся калитки, вышла на веранду встречать свою «алтыным» – золотце, как привыкла называть еще с детства Фариду.

«Как город отнимает жизненные силы у людей», – подумала она, обнимая похудевшую девушку.

Зайнап эби и Фарида долго стояли обнявшись. У бабушки от счастья потекли слезы. Фариде тоже сразу стало хорошо и спокойно.

Она зашла в дом, и как будто все проблемы сами собой пропали, как будто вернулась в годы беззаботного детства.

Но это блаженство продлилось только до того момента, как в нос ударил запах варящегося в кастрюле мясного бульона. Счастливая, ничего не подозревающая бабушка, не смолкая ни на минуту, продолжала делиться последними новостями: чья корова отелилась, кого нынче наняли в пастухи, кто машину купил, у кого никак был.

Фарида слушала в пол-уха. После чая она помыла посуду, а Зайнап эби пошла кормить утят.

В деревне Фариде было хорошо, кроме, конечно, аромата мяса. Ничего, раз в два дня и этот запах можно потерпеть. Благо, что не рвет. А вот плакать хочется всегда: она от природы была мягким человеком, а это новое состояние сделало её ещё более сентиментальной. Было обидно и больно за себя, за любовь. Сейчас она вообще не соображала, что делать. Как она скажет про *это* бабушке? Это же какой позор, беременная без никаха, без мужа...

У таких одно имя на всех – уйнашчы (гулящая). Когда говорят про их детей, редко называют по имени, для всех это уйнаштан туган бала – нагуленный ребенок. Многовековые деревенские нравы жестокие, здесь девичья честь превыше всего. А все гулящие – это легкомысленные девушки, не такие, как Фарида. Она же была примером для деревенских: училась хорошо, трудолюбивая, чистоплотная, толком и с парнями-то не встречалась. И вот как получилось...

В один из дней, когда бабушка ушла в Корэн ашы – застолье с чтением Корана, – Фарида под видом перестановки решила попробовать передвигать мебель дома – в книгах часто пишут, что после этого у женщин случается выкидыш.

За два часа диван, шкаф, комод поменяли места. Придя домой, Зайнап эби ахнула, она, как и большинство взрослых людей, была человеком старой закалки.

Два дня Фарида жила в надежде, но, увы, чуда не случилось...

Тогда она решила перетащить за огород большую навозную кучу. За это её бабушка поругала со словами, что девушкам нельзя поднимать такие тяжести, что эта куча стояла там пять лет и никому не мешала. Фарида даже не слышала бабушку, к её радости, живот начал тянуть. Но это ощущение длилось недолго, навозная куча тоже не помогла...

Зайнап эби не переставала удивляться переменам, происходящим с её Фаридой. Городская жизнь меняет людей, внешне они становятся более красивыми, ухоженными, а вот душа черствеет, была уверена она.

Вон, некоторые после проживания одного-двух лет в городе даже родной язык забывают, начинают и в нужном, и в ненужном месте вставлять русские слова. Фарида, мало того что похудела, так еще и замкнутая стала, видно, о чем-то тревожится. Наверное, любовь в городе осталась, дело-то молодое, вот и страдает, решила Зайнап эби после многочисленных неудачных попыток вызвать Фариду на разговор по душам.

Ночью Зайнап эби проснулась от тихого плача. Встала, подошла к Фариде. Спросила, что болит. Фарида сделала вид, что спит, тогда бабушка почитала ей молитву от дурного сна. В душе у Зайнап эби поселилась тревога: нет, что-то не так, что-то тревожит её алтыным. Девушка явно о чем-то печалится.

Фариде было не до сна. Вчера она у себя на лице, возле уха, обнаружила коричневое пятно, какое бывает у беременных. Через месяц-другой уже невозможно будет скрыть, что она ждет ребенка. Она представляла, как в деревне будут судачить, смакуя ее положение.

Бабушка, считавшаяся образцом нравственности, такого позора точно не переживет. А если Фарида уедет в город? Беременная вряд ли сможет продолжить учебу, это значит, общезнания не будет. А где и на что жить? Работы Фарида не боялась, но кто ее в таком положении, без диплома и специальности, возьмет?

Завершив утренние дела, Зайнап эби решила побаловать Фариду оладьями. Пока пекла, через окно наблюдала за внучкой, которая подметала двор.

– Собханалла, не сглазить бы! – произнесла Зайнап эби, любуясь своей «алтыным».

Фарида зашла в сарай, оттуда вышла с длинной веревкой, которой раньше привязывали теленка, и направилась в баню.

«Видимо, решила закинуть канат подальше, чтобы не мешался. Эх, были времена, каждый день летом, привязав к этой веревке, теленка оставляли на лугу. А сейчас даже козочек нет...» – погоревала бабушка.

Так, канат надо отдать соседям, Марьям она точно пригодится, нечего его хранить в бане, с этой мыслью Зайнап эби быстренько вышла из дома и направилась к бане. Та оказалась закрытой изнутри. Бабушка постучалась, но никто не открыл, и послышался страшный хрип.

Бабушка почувствовала, как внутри все заледенело от ужаса.

Солнечный день, наполненный звенящими птичьими голосами, жужжанием пчел и шмелей, разом стал бесцветным и глухим.

Зайнап эби, ни минуты не раздумывая, схватила топор, валяющийся рядом на дровах, разбила его тупым концом тонкое стекло, через окно кое-как пролезла внутрь и... замерла, увидев внучку, висящую на веревке в предбаннике.

Под ногами Фарида валялась табуретка.

Зайнап эби быстро поставила стул, топором срубила веревку, а Фариду положила на пол.

Пульс прощупывался, девушка была без сознания, но дышала. Зайнап эби вспомнила: у нее в предбаннике на полке всегда стояла нашатырка – на всякий случай.

Бабушка стянула платок, плеснула на него дурно пахнущую жидкость из темной бутылки и провела под носом у Фарида.

От резкого аммиачного запаха и волнения закружилась голова. Перед глазами запрыгали мелкие черные точки – как бывает, когда резко подскочит давление.

Девушка открыла глаза. Обе одновременно заплакали.

– Кызым, что с тобой?

– Эбием, почему меня сняла с веревки, я не хочу жить! – все плакала ее девочка.

А дальше слова Фарида прозвучали как гром среди ясного неба:

– Эбием, мин уйнашчы, я жду ребенка!

Недолгую паузу нарушила бабушка, ошарашенная только что произнесенными внучкой словами:

– Как же это так?

Фариде пришлось рассказать про Антона, про ее неожиданно случившуюся любовь, что голову заморочила, и про разговор с дедом – почетным гражданином города – о будущей свадьбе ее любимого.

Сквозь слезы Фарида делилась и переживаниями о своей будущей жизни, и просила прощения у бабушки, что не оправдала ее надежд.

Сумбурные слова мало кто бы понял, но женщина слушала сердцем. А сердце, как известно, может понять все.

И Зайнап эби теперь поняла, почему ее внучка то мебель двигала, то навозную кучу разбирала... И что теперь делать? Надо найти этого негодяя, который осмелился испортить ее кровинушку... А как?

С Фаридой-то что делать?

Зайнап эби решила испробовать метод, который не раз выручал её в молодости: заварила пажму, дала попить Фариде. Боясь, чтобы внучка не натворила беды, положила её спать к себе на кровать.

Ночью Зайнап эби снова приснился Вагиз бабай. Он ходил возле печки, и говорил: «Не трогайте мои кирпичи!».

Зайнап эби проснулась в холодном поту, поняв, что Вагиз бабай ругает ее за то, что хочет избавиться от дитя. «Вот я, старая дура!» – ругала себя Зайнап эби.

С тревогой дождалась, пока проснется Фарида, спросила, нет ли чего. Да, кирпичик Вагиз бабая, видать, крепкий малыш, раз и на пажму не среагировал. Зайнап эби решила немедленно съездить в город, поговорить с этим наглецом, с его родителями.

Выяснилось, что Фарида ничего про них не знает. Только то, что живут в другом городе да отдыхают где-то за границей. А про дом деда говорить ничего не стала, побоявшись, что бабушка пойдет отношения с ним выяснять.

Узнав это, Зайнап эби готова кричать: как Фарида так легкомысленно могла отдаться первому встречному? Зайнап эби так старалась воспитать хорошего человека, прекрасную хозяйку... И как оказалось, все было зря...

Зайнап эби, будучи мудрейшей женщиной, понимала, что виноватых сейчас искать смысла нет, надо придумывать выход из этой глупой ситуации. Фариду одну в город отпускать страшно, где гарантия, что она опять не полезет в петлю? В деревне оставаться тоже нельзя, для деревни поступок Фариды – стыд и позор.

В прошлом году младший сын соседки Марьям Алмаз предлагал Зайнап эби свою квартиру в городе в обмен на ее дом и участок. Говорил, что ей было бы лучше вместе с Фаридой уехать в город. Алмаз лет десять работал на Севере, денег накопил достаточно, чтобы построить в деревне собственный дом.

«Зайнап эби, будешь ко мне приезжать, как к себе домой! – уговаривал Алмаз соседку. Зайнап эби тогда категорически отказалась.

Сейчас же, вспомнив про этот разговор, она решительно направилась на улицу. Подруга детства Марьям для Зайнап эби была как родственница, всю жизнь жили соседями, душа в душу.

Зайнап эби разговор начала издали: пожаловалась на здоровье, на больные суставы и сердце, сказала, что в прошлом году зря не согласилась на предложение Алмаза. Мол, жила бы сейчас в городе рядом с Фаридой, обеим было бы хорошо.

Марьям дала понять, что Алмаз, наверное, и сейчас не против своего предложения, тем более, через неделю сам собирался приехать в гости.

Семь дней пролетели быстро. По приезде, в первый же день, Алмаз с гостинцами пришел к Зайнап эби. Через час вопрос переезда в город был решен, Алмаз сказал, что однокомнатная квартира пустует, что хоть завтра можно будет съезжать.

– Документы сам оформлю, это не займет много времени, – пообещал сосед.

Через день он решил Зайнап эби показать свое жилье в городе. Съездили, посмотрели, понравилось. Маленькая однокомнатная квартира на втором этаже, благо по лестницам высоко подниматься не надо.

Да, после деревни нелегко будет оказаться в такой клетке, но, что поделаешь, раз судьба такая, подумала Зайнап эби, платочком утирая слезы.

Алмаз помог и с переездом, и грузовую машину нашел, и грузчиков нанял. В августе Зайнап эби получила документы на квартиру. Алмаз сказал, что в этом году стройку не начнет, раз до следующего лета будет работать на Севере.

– В любое время приезжайте, Зайнап эби, в свой дом. Замок повесим другой, надежный, вот от него ключи, держите, – сказал он, прощаясь с новоселами.

Так, неожиданно для себя и для всех односельчан, Зайнап эби стала городской. Самое главное, никто и не догадывался, и даже думать не мог, по какой причине был организован столь поспешный переезд.

В первую же ночь в новой квартире Зайнап эби приснился Вагиз бабай, на этот раз он, улыбаясь, красил печь в голубой цвет...

Глава 7

А 17 августа все деньги в стране обесценились, и товары в один момент подорожали. В этот день, прозванный «черным понедельником», Россия пережила самый серьезный финансовый кризис в современной истории. Власти объявили «технический дефолт» и перестали поддерживать курс рубля.

Что творилось кругом? В городе, в автобусах, на кухнях передавали друг другу разные истории. Соседка по этажу Мария взяла в долг у знакомых огромную сумму в долларах, чтобы купить машину. Приличный долг превратился в неподъемный после падения курса рубля. А знакомые, не надеясь, что Мария отдаст деньги, подключили к «выбиванию» долга бандитов, которые, как это было у них принято, поставили молодую женщину «на счетчик». В итоге, чтобы расплатиться за машину, ей пришлось продать квартиру и пережить немало страшных минут.

Продавщица Олеся тянула троих детей и маму, которая уже не могла ходить. Казалась зажиточной: у нее была «точка» в продуктовом магазине, где продавались конфеты. А на ужин запаривала комбикорм. Нечем было кормить большую семью.

Преподаватель торгово-технологического Иван Викторович с женой Еленой Петровной переехали из Оренбурга в 1983 году. Поселились в общежитии, растили двоих детей, потихоньку обзаводились имуществом: сначала купили дачу в поселке, потом начали строить дом на окраине. К 1997 году возвели два этажа. Строили, а сами понимали: жить там не будут. Далеко от центра, на работу ездить неудобно, дети – дочкам было десяти и двенадцати лет – ходят в школу совсем в другом районе. Да и дача – ни радости, ни прибыли. Конечно, своя картошка и клубника – это хорошо, но ездить из-за них каждые выходные за пятьдесят километров от города, если честно, давно надоело. А вот если продать эти пятнадцать соток с дачным домиком да недострой в микрорайоне – как раз хватит на приличную квартиру в хорошем районе. Ну, может, совсем чуть-чуть подкопится останется. И дача, и дом были проданы. Деньги – рубли – лежали дома, в шкафчике. Там и остались – купить на них квартиру все равно больше было нельзя.

Истории ходили из одного конца города в другой, и Зайнап эби слушала и прижимала кулачок к сердцу: как Аллах уберет, что женщины не стали дом продавать, а совершили обмен. Наверное, Вагиз бабай помог!

А жизнь шла вперед. Подминала, перекраивала планы, ломала людей, но колесо времени крутилось.

В роддом Фарида попала уже в январе.

Поняв, что уже пора, собрала сумку, сложила самые необходимые вещи после консультации с медсестрой, написала записку, оставив ее на обеденном столе, тихо оделась в прихожей, чтобы не напугать эби, и вышла за дверь, прикрыв ее еле слышным щелчком.

На улице было еще темно. Фарида вдохнула свежий морозный воздух, который сначала защекотал, а потом принялся покалывать нос, щеки и кончики пальцев.

Она медленно, в вразвалочку, «утиной» походкой пошла роддом.

Он был совсем недалеко – только перейти два дома да завернуть за угол. А там – через скромную лесопосадку, высаженную, видимо, для прогулок беременных, находящихся в стационаре на сохранении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.